

Е. Б. Фукс

**Анекдоты князя Италийского, графа
Суворова-Рымникского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Е11

Е11 **Е. Б. Фукс**
Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымникского / Е. Б. Фукс – М.: Книга по Требованию, 2023. – 60 с.

ISBN 978-5-458-22928-9

Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. Издание А. Радонежский, Санкт-Петербург, Сенатская типография, 1909 год.

ISBN 978-5-458-22928-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Другу.

Вотъ вамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ анекдоты мои о Суворовѣ. Многіе писалъ я еще при жизни его: многіе растерялъ въ походахъ; многими, о которыхъ вспомнилъ, пополнилъ недостающіе. Боюсь, что, можетъ быть, забылъ помѣстить какой-нибудь достопамятный, который лучше всѣхъ этихъ ознаменовалъ бы и душу и умъ его. Но если вспомню, то присоединю непременно. Исполнивъ обѣтъ, данный моему великому благодѣтелю, кончивъ Исторію Россійско-Австрійской кампаніи, я теперь отдыхаю и пишу, что вспомню. Чувствую, и вы со мною согласитесь, что всѣ, разбросанныя въ анекдотахъ сихъ, черты не составляютъ еще полнаго, похожаго его портрета. Всѣ великіе полководцы, древнѣйшихъ и новѣйшихъ вѣковъ, имѣли свои особенности, безъ которыхъ не отличались бы отъ толпы: но они слѣдовали свѣтскимъ приличіямъ. Нашъ же, какъ, будто выирыгнулъ изъ сей сферы, и представляетъ собою необыкновенное, единственное явленіе и на военномъ поприщѣ, гдѣ онъ непобѣдимъ, и въ кабинетѣ своемъ, гдѣ непостижимъ. Румянцевыхъ, Кутузовыхъ, Тюреньевъ и другихъ мы знаемъ: ибо они дѣйствовали, обращались съ людьми по-людски, говорили нашимъ языкомъ: тонкости и тайны ихъ раскрылись. Но Суворовъ, по словамъ Клинтона, остается іероглифомъ и въ потомствѣ. Спросите всѣхъ, оставшихся еще въ живыхъ стариковъ, которые знали его лично, и вы услышите сужденія объ немъ противорѣчащія: одни будутъ его возносить до небесъ; другіе же, а особливо видѣвшіе его однажды, находили его человѣкомъ разстроеннаго разсудка. Не сердитесь на послѣднихъ: — я въ началѣ принадлежалъ къ ихъ числу. Признаюсь, что первое мое свиданіе съ нимъ впечатлѣніе, весьма невыгодное. Меня представилъ Генераль отъ Инфантеріи А. Г. Розенбергъ. Суворовъ выбѣжалъ въ рубашкѣ, утирая лицо тряпичею. «Кто это такой?» спросилъ онъ его. Тотъ отвѣчалъ: «Этотъ Статскій Совѣтникъ Фуксъ». — «Ахъ, помилуй Богъ, какой ты худошавый, тебѣ надобно со мною ѣздить верхомъ». Вотъ для меня новая забота! отъ роду верхомъ я не ѣздилъ. — Послѣ спросилъ опять Розенберга: «А этотъ кто?» Ответъ: Статскій Совѣтникъ Башловскій. — «Ахъ, какъ ты толстъ, «сказалъ онъ ему «я къ тебѣ залезу въ брюхо погрѣться, когда озябну». Такое вступленіе въ новое знакомство мнѣ очень не понравилось, и я ушелъ отъ его обѣда. За столомъ спрашивалъ онъ, куда дѣвался худошавый Бригадиръ? и ему отвѣчали, что занемогъ коликою. — Отъ многихъ старался я узнавать о первыхъ впечатлѣніяхъ, которыя производилъ его пріемъ; и всѣ согласовались съ моими чувствами. Чтобы и вы со мною согласились, позвольте мнѣ васъ ему представить. Переселимся мысленно въ вѣкъ его и сыграемъ комедію: но невымышленную. Зная васъ, ваше воспитаніе, вашу образованность, ваше уваженіе къ вельможамъ, вы бы конечно пожелали увидѣть того знаменитаго Россіянина, героя всѣхъ вѣковъ прошедшихъ и будущихъ. Вы, можетъ быть, невольно приготовились бы сказать ему что-нибудь лестное; но, вдругъ, гдѣ вы? — въ избѣ, или простой горницѣ; старикъ, въ солдатской курткѣ или въ рубашкѣ, безъ докладовъ выбѣгаетъ, обнимаетъ васъ, начинаетъ вамъ рассказывать странности, небылицы, прыгаетъ, вертится, дѣлаетъ вамъ вопросы, ни съ чѣмъ несообразные. Вы трепещете, чтобы не проговориться, не попасть въ немогузнайки; и кто же этотъ чудакъ? Суворовъ! — Навѣрно сказали бы вы мне то же, что одинъ добрый и достойный пріятель мой, котораго я уговорилъ представиться ему, и которому онъ сказалъ, увидя большой его носъ: «Поцѣловалъ бы тебя въ губы, но носъ мѣшаетъ». Пріятель мой симъ оскорбился, и сказалъ мнѣ съ досадою: «Что вамъ вздумалось привести меня въ домъ сумасшедшихъ». Хотѣлъ-было тотчасъ уйти. — Такъ и Лейбъ-Медикъ, Вейкартъ, послѣ перваго пріема, хотѣлъ немедленно возвратиться въ Петербургъ. И онъ обидѣлся отзывомъ Суворова, что Наумъ, его фельдшеръ, первый врачъ въ Европѣ. А такъ какъ у Вейкарта выговоръ нѣмецкій ему не понравился, то велѣлъ ему говорить по-Русски, и отвѣчать даже на этомъ языкѣ, если бы Суворовъ и забывшись сталъ съ нимъ говорить по-Нѣмецки. Вейкартъ съ трудностію изъяснялся по-Русски. Подивитесь же теперь! Пріятель мой сдѣлался въ продолженіе времени преданнейшимъ человѣкомъ Суворова; а Вейкарта застаю я въ Вильнѣ на колѣнахъ предъ Распятіемъ молящагося съ пролітіемъ слезъ. Я испугался и спросилъ его, не получилъ ли онъ изъ Петербурга непріятныхъ о семействѣ своемъ извѣстій? «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ «вижу, что медицина наша ограничена; я прибѣгаю и молю всѣхъ благъ Подателя, да вразумитъ меня изцѣлить нашего отца». — Такъ всѣ окружавшіе его, послѣ первыхъ тяжкихъ испытаній, дрались его приверженцами. — Что подумали бы вы на сей аудіенціи, увидя Генералиссимуса, то подобающаго къ вамъ, то отбѣгающаго, начинающаго въ одномъ углу дѣлать сравненіе древнихъ Грековъ съ Римлянами: вдругъ слышите вы рассказы о бывшей пляскѣ въ Боровицкомъ уѣздѣ; отсюда переходъ къ Римнику, повѣствованіе о сраженіи, котораго вы не понимаете. Но довольно вы устали; выходите изъ сего сумбурнаго міра, и спрашиваете меня, где же Суворовъ? — Онъ въ своемъ кабинетѣ тамъ все, что вы видѣли и слышали здѣсь, прекращается. Тамъ однажды я некстати распутился, и онъ мнѣ сказалъ: «Зачѣмъ не сберегъ ты лучше эти матеріалы для стола; теперь пора рабочая». Тамъ диктуетъ онъ диспозицію къ сраженію, взвѣшиваетъ въ умѣ своемъ силы непріятельскія, назначаетъ позиціи своимъ войскамъ, предписываетъ имъ, дѣйствія новыя, чертитъ самъ планы, или поправляетъ ошибки искунѣйшихъ своихъ Генераль-Квартирмейстеровъ, Шателера и Цаха, которые за то не сердятся, но

изумляются и благодарят его. Румянцевы, Конде, Тюрены и весь Ареопаг великих полководцев, кажется, въ немъ воскресаютъ. Это не лесть: неумолкающій громъ шестидесяти побѣдоносныхъ сраженій возвѣщаетъ то вселенной! Вы увидели бы рѣдкій феноменъ: чловѣка въ двухъ лицахъ; перемѣнили бы прежнее одностороннее свое объ немъ осужденіе и умолили. Но послѣ сего молчанія угадываю уже вашъ вопросъ: «Зачѣмъ же такому великому мужу показываться чудакомъ?» Вотъ этого-то вопроса я и трепеталъ. — Скажу вамъ, что знаю; напередъ чувствую, что не удовлетворю вполне вашему любопытству. Старики рассказывали мнѣ, что онъ началъ такъ странничать съ Полковничьяго чина, когда съ полкомъ своимъ осадилъ и взялъ приступомъ монастырь. Намъ остается только удивляться, какъ чрезъ столь долгое время, по конецъ жизни своей, носилъ онъ сію личину странностей! Онъ, по-видимому, не хотѣлъ сложить ее съ себя, чтобы не перестать быть Суворовымъ. Расскажу вамъ, что мнѣ говорилъ на этотъ счетъ одинъ престарѣлый, тридцати пятилѣтній спутникъ Суворова. Вотъ его слова: «Онъ рѣшился быть единственнымъ, ни на кого не походить. Для сего пробѣжалъ онъ прежде обширное поле исторіи всѣхъ вѣковъ; вы видите, съ какимъ вниманіемъ читаетъ, слушаетъ, твердитъ онъ біографіи всѣхъ великихъ мужей, хвалить примѣры ихъ величія; но, для своей славы, прокладываетъ новую, дотолѣ неизвѣстную тропу. Онъ знаетъ, что наружность его не позволяетъ ему когда-либо сравниться съ особенною сановитостію и даромъ слова Румянцева; что, дабы уподобиться въ великолѣпіи и въ огромныхъ замыслахъ Потемкина, нужны были бы несмѣтные милліоны злата. «Повѣрьте мнѣ», продолжалъ Вилимъ Христофоровичъ Дерфельденъ, «сей мнимый врагъ зеркала, замѣта въ ономъ невидную свою наружность, начертилъ тогда же планъ той роли, которую теперь играетъ. Мы всѣ видимъ неутомимое его стремленіе быть героемъ и казаться чудакомъ. И мы не можемъ довольно возблагодарить Промыслу, вознесшему на отечественный Престолъ нашъ образецъ во благодати царей — ЕКАТЕРИНУ. Она въ странностяхъ Суворова, нетерпимыхъ во всякой службѣ подъ другимъ Правленіемъ, видѣла зарю будущей своей славы». — Слова сіи — плоды тридцатипятилѣтнихъ наблюденій! Присоединю здѣсь нѣчто на счетъ пользы, отъ странностей его происходившей. Я видѣлъ нерѣдко, какъ приходили къ нему Союзные Генералы съ жалобами или объясненіями по недоразумѣніямъ, столь часто между союзниками возникающимъ и угрожавшимъ тогда непріятными послѣдствіями, даже разрывомъ. Но одно его неожиданное острое слово, шуточный какой-нибудь рассказъ о постороннемъ предметѣ проказливые скачки — потушали вдругъ пламя раздора въ самомъ его началѣ. Они забывали иногда, за чѣмъ приходили. — Цѣною многочисленныхъ побѣдъ, безпредѣльной довѣренности къ нему войска и опытнаго знанія сердца чловѣческаго, приобрѣлъ онъ сіе преимущество издѣваться надъ всеми, когда мы думали, что мы надъ нимъ смѣемся. Онъ, былъ оригиналь, и оригиналь, неподражаемый. — Не могу не упомянуть здѣсь о слѣдующемъ, ему пересказанномъ анекдотѣ, что когда одинъ Генералъ, желавшій итти по слѣдамъ его, закричалъ однажды войску словами и голосомъ Суворова: «Здравствуйте, ребята, чудобогатыри, друзья мои, и пр. и пр.», то всѣ солдаты расхохотались и произнесли въ одинъ голосъ: «Что этотъ старикъ къ намъ привязался?» Всѣ его восклицанія дѣйствія надъ ними не произвели. Восторгъ, съ какимъ выслушалъ Суворовъ сей анекдотъ, обнаружилъ слишкомъ торжество его въ неподражаемой его оригинальности. Изъ многихъ, здѣсь помѣщенныхъ анекдотовъ увидите вы, что онъ не хотѣлъ походить на тѣхъ военачальниковъ, о которыхъ говорятъ только въ продолженіе ихъ начальствованія. Нѣтъ, онъ хотѣлъ и внѣ круга сей деятельности быть предметомъ безпрестанныхъ разговоровъ, своихъ воиновъ, жить въ сердцахъ ихъ, быть, какъ я уже сказалъ, книгою въ ихъ избахъ, забавлять собою и удивлять, и съ особенностію характера своего стоять наравнѣ съ воинскимъ своимъ гениемъ. Играть такую роль, ни отъ кого позаимствованную, а самимъ собою для себя сотворенную, выдерживать ее во всѣхъ превратностяхъ долговременной жизни своей, преобразить ее во вторую себѣ натуру — есть, въ нравственномъ мірѣ явленіе чудесное! И сему то жертвовалъ онъ своимъ умомъ, своими нравственными и физическими силами, своимъ покоемъ, такъ сказать: всѣмъ бытіемъ своимъ! — и для чего?... чтобы быть чловѣкомъ необыкновеннымъ, единственнымъ; чтобы сіять въ Исторіи благотворнымъ для чловѣчества феноменомъ. Разкройте сіи анекдоты, обрисовывающіе раскиданные отрывки его умоначертанія, и вы встрѣите въ нихъ слѣды стремленія его къ сей единой цѣли. — Въ одномъ анекдотѣ говоритъ Суворовъ, что Адександръ не сжегъ Аѳинъ для того, чтобы въ тамошнихъ гостинницахъ рассказывали о его гаэрствахъ. «Пусть», присоединяетъ онъ «и о моихъ солдатскихъ проказахъ говорятъ въ артеляхъ». Сіе-то лучше всего отпечатываетъ порывы его къ безсмертію. — И этого Россіянина, за то, что онъ былъ знаменитый Россіянинъ, пестрили, марали, чернили пристрастный, злобою упитанныя перья нѣкоторыхъ историковъ Германіи и Франціи. Но извѣстный на Германскомъ горизонтѣ писатель, Сеуме, побуждаемый благородствомъ чувствъ и справедливости, отважился быть его защитникомъ; за то иностранные журналы возстали на него и обвиняли его въ пристрастіи — такъ укоренилося предубѣжденіе противъ Суворова! — Г. Сеуме былъ Россійской службы Офицеромъ, за неявку въ срокъ въ полкъ свой выключенъ, возвратился въ Германію и сдѣлался извѣстнымъ своими сочиненіями, а болѣе описаніемъ странствованія своего пѣшкомъ въ Сиракузы. Въ ономъ говоритъ онъ о Суворовѣ; и я съ удовольствіемъ выписываю вамъ здѣсь въ переводѣ слова сего чужеземца, для котораго истина священна.

Вотъ какъ онъ говоритъ: «Городъ Айроло, на Альпійскихъ горахъ, былъ моимъ вторымъ ночлегомъ. Здѣсь поместился я въ домѣ, въ которомъ говорили по-Нѣмецки, по-Италіянски и по-Французски. Хозяинъ дома составлялъ съ своимъ семействомъ пріятный кругъ, гдѣ я тотчасъ, водворился. Суворовъ стоялъ у него нѣсколько времени на квартирѣ и оба мы имѣли тотчасъ пунктъ прикосновенности. Онъ былъ преисполненъ энтузіазма къ старику Генералу и хвалилъ особенно его любезность и снисходительность, что можетъ быть многимъ покажется страннымъ и подозрительнымъ. Но я не вижу, зачѣмъ бы хозяину въ Айролѣ, на выстѣ Сеи-Готара, говорить о томъ, чего онъ не видалъ. Суворовъ былъ не одинъ Генералъ, который во время войны сдѣлалъ ему честь жить у него въ домѣ: онъ описывалъ другихъ, какъ онъ ихъ находилъ. Многіе изъ нихъ известны всѣмъ. Я имѣлъ уже двусмысленное счастье слыть приверженцемъ старому Суворову, а я старался только спасать истинный его характеръ и истолковывать нѣкоторые феномены, которые ставили ему въ вину. Левъ умеръ; и всѣ на него бросаются. Знаю, что вся жизнь его была цѣпь особенностей. Но если послушаешь его недоброхотовъ, то онъ вздорный, безхарактерный старикъ; а такимъ онъ, право, никогда не былъ. Странность была вообще его отпечатокъ. Политическія тогдашнія отношенія показываютъ, въ какомъ мучительномъ положеніи находился Суворовъ; онъ говорилъ объ ошибкахъ смѣло, безъ пощады и лицепріятія; былъ старъ и боленъ, и предвидѣлъ конецъ своей жизни. Неудовольствіе его въ таковыхъ обстоятельствахъ не могло уменьшиться. Проступки нѣкоторыхъ его подчиненныхъ приписывались ему въ вину. Какъ правдивый мужъ, знающій себѣ цену, но съ желѣзною грудію солдата, имѣлъ онъ особенности, которыя казались инымъ проказами. Онъ былъ строгъ къ себѣ и въ требованіяхъ отъ другихъ. Рассказывали объ немъ въ одномъ иностранномъ городѣ, какъ о постыдномъ скрягѣ; но это грубая ложь: ибо въ характерѣ его столь же мало скупости, сколько и хвастливой расточительности. — Я совершенно удостовѣренъ, что Суворовъ былъ, честный человѣкъ, а не жестокосердый. Ты знаешь, что я ему ничѣмъ не обязанъ, а потому и не можешь находить въ моихъ отзывяхъ объ немъ ничего инаго, кромѣ честнаго моего мнѣнія. Если вѣрить Англичанамъ, которые личнымъ своимъ характеромъ заслуживаютъ довѣріе, то Сѣверный Суворовъ, если и все справедливо, что объ немъ рассказывать, пребудетъ навсегда образцомъ человѣколюбія предъ героемъ нашего времени, Бонапартомъ, который въ восточныхъ своихъ походахъ разстрѣливалъ картечами по тысячамъ плѣнныхъ.

Здесь, на высой Сен-Готара, утверждаютъ, что если бы Суворовъ имѣлъ время перебросить, хотя 6000 съ горы въ Цюрихъ, то сраженіе было бы столь же ужасно для Французовъ, сколько для Русскихъ. Всѣ Французы, съ которыми я объ этомъ говорилъ, подтверждаютъ то же самое, и говорятъ, что удаленіе Ерц-Герцога, вовлеченнаго въ сѣти фальшиваго маневра на Нижнемъ Рейнѣ, было причиною ихъ удачи. Кончимъ словами Тасса: что тотъ сказалъ о Виргиліи, то скажемъ о Суворовѣ: «Пойдемъ ему во слѣдъ, не съ тѣмъ, чтобы съ нимъ равняться, или его превзойти: но чтобы, останавливаясь на каждой тропинкѣ его, любоваться и удивляться». — Прощайте. Вотъ вамъ въ анекдотахъ Суворовъ, какимъ я его зналъ.

АНЕКДОТЫ О СУВОРОВѢ.

Не извѣстно, по какимъ обстоятельствамъ при ЕКАТЕРИНѢ Суворовъ не былъ однажды внесенъ въ списокъ дѣйствующихъ Генераловъ. Это его весьма огорчало. Приѣхавъ въ Петербургъ является онъ къ ИМПЕРИТРИЦѢ; бросается къ Ея ногамъ, и лежитъ неподвижно простертымъ. ИМПЕРИТРИЦА подаетъ ему руку, чтобы его поднять. Онъ тотчасъ вспрыгнулъ, поцѣловалъ Ея десницу, и воскликнулъ: «Кто теперь противъ меня? Сама МОНАРХИНЯ меня возстановляетъ!» — Въ тотъ же день было катанье по Царскосельскому пруду на яликахъ. Суворовъ имѣлъ счастье быть гребцомъ ЕКАТЕРИНЫ. Когда подѣхалъ къ берегу, то сдѣлалъ изъ судна такой отважный скачекъ, что Государыня испугалась. Онъ просилъ у Нея извиненія, что, считаясь Инвалидомъ, возилъ Ея ВЕЛИЧЕСТВО неисправно. «Нѣтъ!» отвечала Она «кто дѣлаетъ такіе прыжки. Salto mortale, тотъ не Инвалидъ». — и въ тотъ же день внесенъ онъ въ военный списокъ Генераловъ, и получилъ начальство.

* *
*

Въ Туринѣ явились три депутата изъ Лукки, съ прошеніемъ о принятіи несчастнаго сего Герцогства подъ покровительство Россійскаго оружія. Они были приглашены къ столу Фельдмаршала. Въ продолженіи обѣда, онъ подробно спрашивалъ о мѣстоположеніи, торговлѣ и о многихъ статистическихъ подробностяхъ ихъ отечества. Замѣчалъ онъ между прочимъ, что въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій сія знаменитая нѣкогда Римская провинція переходила изъ рукъ въ руки отъ одного владѣльца къ другому съ молотка, и показавъ необыкновенныя историческія свои о томъ краѣ знанія. Въ заключеніе спросилъ: «Что есть въ Луккѣ самое достопамятнѣйшее?» Одинъ изъ депутатовъ отвѣчалъ: «Тереза Бандентини, знаменитѣйшая во всей Италіи Improvisatrice, Членъ разныхъ Академій, краса и гордость нашей родины. Она поручила намъ просить у Героя Суворова его біографіи; ибо намѣревается воспѣть его побѣды». — Александръ Васильевичъ нѣсколько задумался, и произнесъ: «Зачѣмъ избрала она себѣ предметомъ такой оригиналь?» Депутатъ подхватилъ: «Лишь оригинальности піитическаго Генія нашей Бандентини приличествуетъ воспѣть такого великаго оригинала». — Мнѣ вѣлпо было сообщить все, что я имѣлъ и зналъ. Она написала превосходнѣйшую на побѣды Суворова въ Италіи оду, напечатанную въ Луккѣ. Въ семь твореній вдохновенія ея блистаютъ сила воображенія, истина и гармонія выраженія.

* *
*

Графъ Сентъ-Андре, почтенный Сардинскій Генераль, преданный Суворову, сказалъ ему однажды въ разговорѣ: «Ваше Сіятельство имѣете враговъ, но не соперниковъ».

* *
*

Однажды Князь наединѣ со мною въ кабинетѣ, по окончаніи дѣлъ, спросилъ меня: «Будешь ли писать въ исторіи моей и анекдоты обо мнѣ?» Я отвѣчалъ: «Непременно, если буду живъ». — «Напрасно, напрасно»: возразилъ, онъ «я небогатъ анекдотами, а странностями, проказами; я чудакъ, мальчишка, и пр. и пр.». Опять просилъ я Его Сіятельство, предоставить судить о себѣ другимъ. «Да какая польза отъ анекдотовъ?» былъ его вопросъ. Отвѣтъ мой: «Величайшая. По мнѣнію моему, чтеніе анекдотовъ изъ Плутарха образовало наиболѣе военныхъ людей. Это черты, изъ которыхъ составляется портретъ, образецъ соревнованію. И не рѣдко одинъ анекдотъ, лучше всякаго пера исторіи, изображаетъ намъ характеръ и геній Героя. Прочитавъ въ Светой анекдоты изъ частной жизни Цезарей, мы лучше обнимаемъ Тацита, Тита Ливія, Салюстія и всю Римскую Исторію. Самъ Цезарь собиралъ острые слова, апофтегмы Цицерона, а Цензоръ, Катонъ, достопамятныя сказанія знаменитыхъ своихъ соотечественниковъ. И если позволите мнѣ». — «Продолжай, продолжай!» вскрикнулъ онъ «ты говоришь какъ книга». — «Позвольте мнѣ сказать: Архенгольцъ, въ Исторіи семилѣтней войны выставилъ Фридриха Марсомъ, а Битингъ въ анекдотахъ — человѣкомъ въ кабинетѣ и частной его жизни, и изъ сей совокупности выходитъ Фридрихъ великимъ. Безъ Голикова и Штелина, не знали бы мы нашего ПЕТРА ВЕЛИКАГО, какъ мы теперь Его знаемъ. Такъ изъ анекдотовъ моихъ узнаютъ и того, передъ которымъ я

имѣю счастье теперь стоять». Онъ тотчасъ вскочилъ, благословилъ меня, и сказалъ: «Ступай; пора тебѣ отдыхать, ты усталъ». — Но на лицѣ его читалъ я удовольствію.

* *
*

Когда Австрійскій Генераль, Графъ Беллтегардъ, и Великобританскій Посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ. Лордъ Минто, приѣхали въ Прагу, въ Богемію, уговаривать возвращавшагося уже съ арміею въ Россію Суворова о начатіи новыхъ военныхъ дѣйствій: то онъ, согласно съ полученными отъ Двора своего предписаніями, отъ того уклонился; но продиктовалъ слѣдующую на Французскомъ языкѣ замѣтку: «Si l'on fait encore la guerre à la France, qn' on la fasse bien; si on la fait mal, ce sera un poison mortel. Il vaut mille fois mieux ne pas l'entreprendre, telle qu' elle a déjà eu lieu. Tout homme qui a étudié le génie de la révolution, seroit criminel de le taire. La première grande guerre qu'on fera à la France, sera aussi la dernière: т. е. Если начать еще разъ войну съ Франціею, то надобно ее вести хорошо; если поведутъ ее худо, то это будетъ смертельный ядъ. Тысяча разъ лучше ее не предпринимать по-прежнему. Всякій, вникнувшій въ духъ революціи, былъ бы преступникомъ, если бы о семъ умолчилъ. Первая большая война съ Франціею будетъ, и послѣднее».

* *
*

Князь Александръ Васильевичъ любил, скорые отвѣты безъ остановки. Онъ хогѣлъ въ семъ родѣ испытанія быть Лафаторомъ: узнавать, какъ тотъ — характеръ человѣка по фізіономіи, такъ онъ — по отвѣту. Многіе очень ошибались, думая, что, отвѣчая ему скоро и нелѣпо, ему угождали. Правда, онъ замолчить, но оцѣнить пустослова. Приведу здѣсь одинъ примѣръ: Однажды еще наканунѣ поднесенъ, былъ рапортъ о присоединеніи къ нашей арміи 3500 Сардинскихъ войскъ. Не смотря на то, что онъ сіе зналъ, подходилъ къ каждому съ вопросомъ о числѣ ихъ. Всякій отвѣчалъ наобумъ. Иной 5000, другоѣ 200, а нѣкто 20000. «Ахъ, помилуй Богъ, какъ ты щедръ!» вскрикнулъ и отскочилъ отъ него. Но одинъ Генераль объявилъ истинное число. Тотчасъ шепнулъ онъ мнѣ, чтобы пригласить его къ столу. За завтракомъ онъ потчивалъ, его изъ своихъ рукъ рѣдкою, что у него почиталось особеннымъ отличіемъ. За обѣдомъ бесѣдовалъ съ нимъ и обратилъ разговоръ на необходимую обязанность военного начальника знать число своего войска. «Румянцевъ», заключилъ онъ, «зналъ не только число своего войска, но и имена солдатъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ Кагульскаго сраженія узналъ онъ въ городѣ Орлѣ сторожа, служившаго на той славной битвѣ рядовымъ; остановилъ его, назвалъ по имени и поцѣловалъ».

* *
*

Когда, предъ вступленіемъ нашимъ въ Швейцарію, прибылъ въ армію Генераль-Маіоръ, Графъ, Николай Михайловичъ Каменскій, то онъ пожаловалъ ко мнѣ и просилъ меня представить его Фельдмаршалу. Мы пошли къ нему. Дорогою замѣтилъ я въ Графѣ смущеніе; онъ не скрылъ отъ меня своего опасенія, что, можетъ быть, по извѣстнымъ всѣмъ бывшимъ между Александромъ Васильевичемъ и отцемъ его непріятностямъ, не удостоится онъ благосклоннаго приѣма. Я засмѣялся, сказавъ ему: «Худо, Графъ, знаете, вы Суворова: но вы тотчасъ разувѣритесь». Едва лишь произнесъ я имя Графа Каченскаго, какъ онъ уже обнялъ и разцѣловалъ его, съ сими словами: «Какъ! сынъ друга моего будетъ со мною пожинавать лавры, какъ я некогда съ отцемъ его!» — Прочитавъ письмо отъ его родителя прослезился и произнесъ: «Когда ты къ батюшкѣ будешь писаешь, то принеси письмо, я припишу». Мы пошли къ обѣднѣ. Вдругъ съ крылоса подбѣжалъ Графъ къ Николаю Михайловичу, съ вопросомъ: «поетъ ли его батюшка?» на отвѣтъ, что поетъ, отвѣчалъ онъ: «Знаю, но безъ нотъ, а я по нотамъ» — и побѣжалъ къ пѣвчимъ. — По переходѣ чрезъ Альпійскія горы, когда Графъ Каменскій отличился уже своимъ безстрашіемъ, находясь денно и ночно посреди ужасовъ и отъ непріятелей, и отъ стихій, безотлучно впереди своего полка; и пуля пролетѣла сквозь его шляпу: поднесъ онъ Генералиссимусу открытое письмо свое къ отцу. Тутъ приписалъ Суворокъ между прочимъ: «Юный сынъ вашъ, старый Генераль». Воспоминаніе о семъ драгоцѣнно моему сердцу: ибо на Альпійскихъ, горахъ связанъ былъ между знаменитымъ, навѣки незабвеннымъ симъ защитникомъ, Отечества, и мною тотъ крѣпкій узелъ дружества, который не ослабнулъ и поконечъ его жизни.

* *

*

В готъ день, когда въ городѣ Нейтитченѣ завѣщаль мнѣ Князь у гробницы Лаудона, сдѣлать на своей надписи: здѣсь лежитъ Суворовъ. бесѣдовалъ онъ много о смерти и эпитафіяхъ; также, что онъ желалъ бы положить кости свои въ Отечество. «Не помнишь ли», обратился ко мнѣ, спросилъ: «какой памятникъ былъ воздвигнутъ Еврипиду?» Къ счастью, читалъ я о томъ недавно и началъ: «Царь Македонскій, Архелай, воздвигнулъ Еврипиду памятникъ, съ надписью: никогда память твоя, Еврипидъ, не угаснешь. Но блистательнѣйшій кенотавъ, въ Аѳинахъ былъ сей: *Вся Греція памятникъ Еврипиду. Земля Македонская покрываетъ токмо его кости*». — Онъ произнесъ: «Спасибо тебѣ, что ты помнишь. Еврипидъ былъ въ мірѣ одинъ, и памятникъ ему — единственный!»

* *

*

Болѣнь и больнь, то есть, съ удареніемъ надъ послѣднимъ слогомъ *льнь*, различалъ Князь. Просто болѣнь, значило у него истинно изнемогшаго, который слегъ въ постель; но болень съ удареніемъ надъ *льнь*, былъ по его мнѣнію тотъ, которому нездоровится, которому не такъ-то по себѣ, который прихворнулъ; проклятая мигрень! — И этого онъ не терпѣлъ. Всегда спрашивалъ о какомъ нибудь больномъ: «Что онъ: болѣнь, или болѣнь?» Разумѣется, чтобъ не разсердить его, отвѣтъ былъ, всегда чистымъ языкомъ: болѣнь, безъ непріятнаго ударенія. И тутъ повторялъ онъ свой рецептъ изъ словеснаго поученія солдатамъ: «Бойся Богадѣльни: — Нѣмецкія лекарственницы издалека тухлыя, безсильныя и вредныя. Русскій солдатъ къ нимъ не привыкъ. У васъ есть въ артеляхъ корешки, травушки, муравушки. Солдатъ дорогъ. Помните, господа! полевой Лечебникъ Штабъ-Лекаря Бѣлопольскаго. Богадѣльни первый день мягкая постель, второй день Французская похлебка, третій день, ея братецъ, домвище къ себѣ и тащить! Одинъ умираетъ, а десять товарищей хлебаютъ его смертный дыхъ».

* *

*

Если Князь познакомится покороче съ иностранцемъ, то любилъ называть его по имени и отчеству. Въ бытность въ Финляндіи, имѣлъ онъ подъ начальствомъ своимъ Инженернаго Генераль-Маіора, Прево-де-Люмьяна, которому велѣлъ называться Иваномъ Ивановичемъ; и тотъ поконечъ жизни своей слылъ сими именами, хотя ни онъ, ни отецъ его Иванами не бывали.

* *

*

Слова: не могу знать, не умѣю доложить, или сказать, полагаю, можетъ быть, мнѣ кажется, я думаю, и все подобное, неопредѣлительное, могли его разсердить до чрезвычайности. Одинъ, принадлежавшій къ Дипломатическому Корпусу, имѣлъ несчастье употреблять сіи слова и никакъ не могъ отвыкнуть. Онъ однажды довелъ Князя до того, что тотъ велѣлъ растворить окошки и двери и принесть ладону, чтобы выкурить и очистить воздухъ отъ заразительнаго немогузнайства, и тутъ кричалъ онъ: «Проклятая немогузнайка намека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, двулчка, вѣжливка, безтолковка, недомолвка, ускуромейка. Стыдно сказать, отъ немогузнайки много, много бѣды!» Подобная схватка была у него въ Молдавіи и съ Генераломъ Деводантомъ, который никакъ не хотѣлъ, говорить знаю о такихъ вѣщахъ, которыя ему были неизвѣстны. Споръ у него съ Створовымъ дошелъ до того, что онъ оставъ обѣдъ и, вскочивъ изъ окошка, убѣжалъ къ себѣ на квартиру. Вслѣдъ за нимъ гнался Александръ Васильевичъ, догнавъ его, примирился, и сдѣлался другомъ. Деволантъ былъ Голландецъ. Суворовъ послѣ того говаривалъ: „Теперь вижу я, почему Испанскій, Непобѣдимымъ названный, флотъ Филиппа, не могъ устоять предъ такимъ упорно грубымъ народомъ, какъ Голландскій. И Петръ Великій ощутилъ то».

* *
*

Лордъ Клинтонъ, отличнаго ума Великобританецъ, обѣдалъ у Суворова. Въ тотъ день обѣдъ начался въ 9 часовъ пополудни. Повару приказано изготавить блюда къ этому времени, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что Англичане обѣдаютъ поздно. Графъ, какъ говорится, былъ совершенно въ своей тарелкѣ. Бесѣдовалъ весьма пріятно и поучительно о важныхъ военныхъ Историческихъ предметахъ, и восхитилъ Клинтонъ. На другой день посѣтилъ сей меня и принесъ показать письмо къ другу своему въ Лондонъ. Такъ какъ я по-Англійски не знаю, то просилъ его перевести. Онъ кое-какъ передалъ мнѣ на Французскій языкъ, и я съ дозволенія его положилъ на бумагу. Вотъ содержаніе онаго: «Сей часъ выхожу я изъ ученѣйшей Военной Академія, гдѣ были разсужденія о Военномъ Искусствѣ, о Аннибалѣ, Цезарѣ, замѣчанія на ошибки Тюреня, Принца Евгеша, о нашемъ Малбуркѣ, о штыкѣ, и пр. и пр. — Вы вѣрно хотите знать, гдѣ эта Академія и кто Професторы? угадайте!... я обѣдалъ, у Суворова: — не помню, ъль ли что, но помню съ восторгомъ каждое его слови. Это нашъ, Гарикъ, но на театрѣ великихъ происшествій; это тактическіѣ Рембрантъ: какъ тотъ въ живописи, такъ сей на войнѣ — волшебники! Боюсь только, чтобы онъ не занемогъ нашимъ сплиномъ: но отъ богатства побѣдъ. И этотъ умнѣйшій мужъ вздумалъ меня увѣрять, что онъ ничего не знаетъ, ничему не учился, безъ воспитанія, и что его по справедливости называютъ Вандаломъ. Наконецъ остановилъ, я его сими словами: «Если вамъ удастся обманывать насъ, вашихъ современниковъ: то не удастся обмануть потомковъ; впрочемъ, и въ самомъ потомствѣ останетесь вы Иероглифомъ». Онъ замолчал, началъ корчить лице, кривляться, дѣлать невѣроятныя гримасы, и прочъ. — Я отважился прочитатъ Графу сію выписку, и онъ отвѣчалъ: «Ахъ! помилуй Богъ, кто бы подумалъ, что и добрый Клинтонъ былъ у меня шпіономъ? Самъ виноватъ, слишкомъ раскрылся: не олыто пуговиць».

* *
*

Портретъ Суворова написанъ былъ Миллеромъ. Онъ готовился уже отвезти въ Дрезденъ: но былъ въ недоумѣніи, показатъ ли его тому оригиналу, который никогда не хотѣлъ видѣть себя и въ зеркалѣ, или, какъ Г. Миллеръ изъяснялся, не хотѣлъ, видѣть и въ копіи другаго Суворова. Я присовѣтывалъ ему пойти со мною и показатъ ему. Мы пришли. Князь, едва взглянувъ, спросилъ: «Полезны ли вамъ были психологическія мои разсужденія о самомъ себѣ?» — «Очень!» отвѣчалъ тотъ «для начертанія характеровъ пригодно все, и даже мелочи. Толпою незамѣчаемыя черты дѣлаются для артиста, изобразителя души въ тѣлѣ, весьма важными. Счастливо перенесенныя на холстъ, онѣ даютъ портрету всю фізіономію. До сего невдохновенный художникъ никогда не достигаетъ. Рубенсъ, по справедливости провозглашенный Княземъ Нидерландской Школы, изобразилъ смѣющееся дитя. Одинъ мигъ волшебной его кисти — и дитя, къ изумленію всѣхъ предстоящихъ, плачетъ. Я не Рубенсъ! но онъ бы первый разъ позавидовалъ теперь моему счастью!» — Графъ поцѣловалъ его отъ души и велѣдъ мнѣ записать: «Рубенсъ, Миллеръ! — слава творческому Генію Живописи». — «Эти слова», сказалъ Миллеръ въ изступленіи, «изъ устъ Суворова, даютъ безсмертіе!»

* *
*

Разговорились за обѣдомъ о трудностяхъ узнавать людей. «Да правда», сказалъ Князь Александръ Васильевичъ, «только ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ предоставлена была великая тайна выбирать людей: взглянулъ на солдата Румянцева, и онъ офицеръ, посолъ, вельможа; а тотъ за сіе огблагодарилъ Россіи сыномъ своимъ, Задунайскимъ. Мои мысли: вывѣска дураковъ — гордость; людей посредственнаго ума — подлость: а человѣка истинныхъ достоинствъ — возвышенность чувствъ, прикрытая скромностію».

* *
*

По возвращеніи моемъ изъ Венеціи, отдалъ я Фельдмаршалу въ его кабинетѣ отчетъ въ моихъ порученіяхъ. За обѣдомъ разспрашивалъ онъ меня о многихъ подробностяхъ сего чудеснаго,

единственного въ свѣтъ, какъ будто изъ волнъ морскихъ возникающаго, града. Я рассказывалъ ему все, что въ теченіи трехъ дней могъ замѣтить любопытнаго. Онъ вздохнулъ, вспомнивъ о прежнемъ величіи сей Царицы морей, о блескѣ ея торговли; но благодарилъ Бога, что адская политическая инквизиція поглощена ея же волнами. Между многими разказами упомянулъ я, какъ тамъ въ трактире (Caza di Pedrillo), за общимъ обѣденнымъ столомъ, поразили меня сосѣдъ сими словами: «Chez nous a Petersbourg, т. е. у насъ въ Петербургѣ». Не полагая никакъ увидѣть здѣсь Русскаго, я вскрикнулъ съ изступленіемъ по-Русски: «Какъ! вы были въ Петербургѣ?» Отвѣтъ его: «Я тамъ родился». — «Этого довольно: продолжалъ я «теперь знаю, хотя вы мнѣ и не были знакомы, что вы гуляли тамъ со мною по гранитной набережной, въ лѣтнемъ саду, по островамъ, пили со мною Невскую воду, слышали со мною тотъ же колокольный звонъ, тотъ же барабанъ и, объѣхавъ, какъ и я, множество городовъ, скажите также со мною вмѣстѣ: «Нѣтъ краше матушки Москвы и Петербурга!» Недождавшись ответа, бросился я его обнимать; искренность взаимныхъ чувствъ нашихъ насъ тотчасъ сблизила, и теперь оба мы перестали жить въ Венеціи. — Графъ тутъ съ удовольствіемъ вспомнилъ, какъ въ молодыхъ лѣтахъ, бывъ отправленъ въ Берлинъ курьеромъ, встрѣтилъ онъ также въ Пруссіи Русскаго солдата. «Братски, съ искреннимъ патриотизмомъ», говорилъ онъ, «расцѣловадь я его; разстояніе состоянія между нами исчезло. Я прижалъ къ груди земляка. Если бы Силла и Марій встрѣтились нечаянно на Алеутскихъ островахъ, соперничество между ними пресѣклось бы; Патрицій обнялъ бы Плебеянина, и Римъ не увидѣлъ бы кровавой рѣки».

* *

*

Когда Фельдмаршалъ, по взятіи Австрійскимъ Генераломъ Кеймомъ Турина, возносилъ его хвалами и пилъ за его здоровье, одинъ его землякъ, изъ знатнѣйшей древнѣйшей фамиліи, сказалъ: «Знаете ли, что Кеймъ изъ самаго низкаго состоянія и изъ простыхъ солдатъ дослужился до Генерала?» — «Да», отвѣчалъ Александръ Васильевичъ, «его не осѣняетъ огромное родословное древо; но я почелъ бы себѣ особенною великою честію имѣть его послѣ сего подвига своимъ, покрайней мѣрѣ, хотя кузиномъ».

* *

*

Случился у Суворова споръ о лѣтахъ двухъ Генераловъ. Одному было дѣйствительно пятьдесятъ лѣтъ, а другому сорокъ. Но Александръ Васильевичъ началъ увѣрять, что сорокалѣтній старѣе пятидесятилѣтняго. «Послѣдній», говорилъ онъ, «большую часть жизни своей проспалъ; а первый работалъ на службѣ денно и ночно. Итогъ выйдетъ, что чуть ли сорока-лѣтній не вдвое старѣе пятидесяти-лѣтняго». «По этому расчету», сказалъ Маркизь Шателеръ. «Вашему Сіятельству давно, давно уже минуло за сто и болѣе лѣтъ». — «Ахъ, нѣтъ!» отвѣчалъ Суворовъ, «раскройте Исторію, и вы увидите меня тамъ мальчишкою». — «Истинно великіе хотятъ, всегда казаться малыми; но громкая труба молвы заглушаетъ ихъ скромность», возразилъ Шателеръ. Суворовъ зажмурился, закрылъ свои уши и убѣжалъ.

* *

*

Непонятно, какъ человѣкъ, привыкшій по утрамъ оказываться холодною водою, выпарившись въ банѣ, бросаться въ рѣку или въ снѣгъ, неносившій никогда шубы, кромѣ мундира, куртки и изодранной родительской шинели, — могъ въ горницѣ переносить ужасную теплоту. Въ этомъ походилъ Князь Александръ Васильевичъ на нашихъ крестьянъ въ избахъ. Подобно имъ, любилъ и онъ быть въ полномъ неглиже. Я, а со мною и многіе, страдали въ его теплицѣ. Не рѣдко потъ съ меня такъ и катился на бумагу при докладахъ.

Однажды закапалъ я донесеніе, хотя по содержанію своему не очень ему пріятное. «Вотъ, Ваше Сіятельство, я не виноватъ», сказалъ я ему, «а ваша Этна», указавъ на печь. — «Ничего, ничего», отвѣчалъ онъ: «въ Петербургѣ скажутъ, или что ты до поту лица работаешь, или что я окропилъ сію бумагу слезою. Ты потливъ, а я слезливъ». — Также и Австрійскій Генераль-Квартирмейстеръ Цахъ распалился до того, что, работая съ нимъ въ кабинетѣ, снялъ съ себя галстухъ и мундиръ. Фельдмаршалъ бросился его цѣловать, съ сими словами: «Люблю, кто со мною обходится безъ фасоновъ». — «Помилуйте», вскрикнулъ тотъ, «здѣсь можно сгорѣть». — Отвѣтъ: «Что делать? Ремесло наше такое, чтобъ быть всегда близъ огня; а потому я и здѣсь отъ него не отвыкаю».

* *
*

Государыня ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА, узнавъ, что Суворовъ ѣздитъ и ходитъ, въ ужасные трескучіе морозы въ одномъ мундирѣ, изволила, для сбереженія его здоровья, подарить ему пребогатую черную соболью шубу. Онъ принялъ сей даръ МОНАРШАГО благопризнанія съ должнымъ благоговѣніемъ; возилъ съ собою въ каретѣ, держа со всякою бережливостію на колѣнахъ; но никогда не дерзаль возлагать на грѣшное свое тѣло, какъ онъ отзывался о себѣ по Христіанскому смиренію.

* *
*

При вступленіи войскъ нашихъ въ Варшаву, данъ былъ приказъ: «У Генерала Н. Н... взять позлащенную его карету, въ которой въѣдетъ Суворовъ въ городъ. Хозяину сидѣть насупротивъ, смотрѣть вправо и молчать, ибо Суворовъ будетъ въ размышленіи» (Надобно знать, что хозяинъ кареты слылъ говоруномъ).

* *
*

Нѣкто вздумалъ назвать Суворова поэтомъ. «Нѣтъ! извини», возразилъ онъ, «поэзія — вдохновеніе; а я складываю только — вирши».

* *
*

Говорили объ одномъ военачальникѣ, котораго бездѣйствіе походило на трусость. Графъ тутъ сказалъ: «Нѣтъ, онъ храбръ; но бережетъ себя, хочетъ дожить до моихъ лѣтъ».

* *
*

Генераль-Квартирмейстеръ Цахъ, говоря о Карле XII, назвалъ его Донкиштомъ. «Правда», сказалъ Графъ, «но мы, любезный Цахъ, донкишотствуемъ всѣ (mir alle donquischotienen), и надъ нашими глупостями, горбогатырствомъ, платоническою любовью, сраженіями съ вѣтряными мельницами, также бы смѣялись, если бы у насъ были Сервантесы. Я, читая сію книгу, смѣялся отъ души; но пожалѣлъ о бѣдняжкѣ, когда фантазмагорія кукольной его комедіи начала потухать предъ распаленнымъ его воображеніемъ, и онъ наконецъ покался, хотя и съ горестію, что былъ дуракъ. Это болѣзнь старости, и я чувствую ея приближеніе». — Цахъ при семъ случай разсказалъ анекдотъ, что когда у знаменитѣйшаго ученостію Медика, Сиденгама, при кончинѣ его, просилъ другой Докторъ совѣта, какою книгою ему при леченіи руководствоваться, отвѣтствовалъ онъ: «Читайте Донкишота».

* *
*

Изъ всѣхъ отраслей военного искусства, преимущественно любилъ Князь Александръ Васильевичъ Инженерную науку. Посему, Великая ЕКАТЕРИНА и поручила ему построеніе и поправленіе крѣпостей въ Финляндіи. Вобана зналъ онъ почти наизусть, и вотъ причина, какъ онъ говорилъ: «Покойный батюшка перевелъ его, по Высочайшему повелѣнію Государя ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО, съ Французскаго на Россійскій языкъ, и при ежедневномъ, чтеніи и сравненіи съ оригиналомъ сего перевода, изволилъ самъ меня руководствовать къ познанію сей, для военного человѣка столь, нужной и полезной науки». Книга сія сдѣлалась теперь очень рѣдкою: я видѣлъ ее въ рукописи; заглавіе ея:

Прямый

способъ укрѣпленія городовъ,

Изданный

Отъ славнаго Инженера

Вобана,

На Французскомъ языкѣ.

Переведенъ на Россійскій языкъ.

1724 года.

Переводчикъ, говоря въ предисловіи о важности и пользѣ сея книги, заключаетъ слѣдующими словами: «Сихъ убо ради винъ, ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, ИМПЕРАТОРЪ и Отецъ Отечества, егда воспрія сію книгу, на Французскомъ языкѣ изданную, многополезную и другимъ несравненную, возымѣлъ намѣреніе, да сея пользы Россійскій свѣтъ не лишень будетъ, повелѣ изъ Французскаго языка на Россійскій преложити, яже и предложена есть Василиємъ Суворовымъ».

* *

*

Нѣжность въ обращеніи Генералиссимуса съ плѣнными Генералами была примѣрная. Возвращая Генерала Серрюрье, нынѣшняго Маршала Франціи, изъ плѣна въ Парижъ, наговорилъ онъ ему множество вѣжливостей. Тотъ, описывая въ журналахъ свое съ Генералиссимусомъ въ Миланѣ свиданіе, отзывался объ немъ съ восторгомъ. Узнавъ также, что Генераль Лекурбъ былъ женатъ, вручилъ онъ ему при отпускѣ его изъ плѣна на Альпійскихъ горахъ цвѣтокъ, прося его поднести оный, отъ имени его, супругѣ своей. Цвѣтокъ давно увялъ; но чувство благодарности за таковое вниманіе въ благородномъ сердцѣ не старѣетъ и не истлѣваетъ. Лекурбъ показывалъ въ 1813 году оный, какъ нѣчто священное, Генераль-Маіору Ө. Ө. Шуберту, бывшему при арміи нашей во Франціи Полковникомъ по Квартирмейстерской части.

* *

*

Странности, особенности, или такъ называемыя причуды, дѣлали Князя загадкою, которая не разрѣшена еще и понынѣ. Безпрестанно спрашивали и спрашиваютъ меня: зачѣмъ наложилъ онъ на себя такую личину? И отвѣтъ мой былъ тотъ, какой и теперь: «не знаю». Всегда поражало, изумляло меня, какъ человѣкъ наединѣ умнѣйшій, ученѣйшій, лишь только за порогъ изъ своего кабинета, показывается шуткомъ, проказникомъ, или, если смѣю сказать, какимъ-то проказеннымъ. Онъ игралъ съ людьми комедію и на сценѣ рѣзвился, а зрители рукоплескали. Однажды, вышедъ изъ терпѣнія, отважился я спросить его, что все это значитъ? «Ничего», отвѣчалъ онъ, «это моя манера. Слышалъ ли ты о славномъ комикѣ Карлонѣ: онъ на Парижскомъ театрѣ игралъ арлекина, какъ будто рожденъ арлекиномъ; а за кулисами и въ частной жизни былъ пресеріозный и строгихъ правилъ человѣкъ: ну, словомъ, Катошь!» — И чтобы пресѣчь разговоръ, приказалъ мнѣ итти съ порученіями къ Генералу отъ Кавалеріи Вилиму Христофоровичу Дерфельдену.

* *

*

Въ, Варшавѣ поутру явилось къ побѣдителю многочисленное собраніе. Одна знатная, Польская, рѣдкой красоты дама, отлично уважаемая, стояла въ толпѣ. Онъ тотчасъ бросился къ ней, съ симъ восклицаніемъ: «Что вижу я? о чудо изъ, чудесъ! на прекраснѣйшемъ небѣ два солнца!» Протянулъ два